

**Елизавета Ривчун вспоминает:
«Папу стерли с лица земли абсолютно»**

Елизавета Ривчун родилась в 1924 году в семье профессиональных музыкантов. До 1935 года жила в Китае. Через два года после возвращения в СССР, отец был арестован и расстрелян.

Моя фамилия сейчас Ривчун, Елизавета Давидовна. Девичья фамилия Гейгнер.

Я осталась без отца в 13 лет, и все мои мечты, которые я вынашивала с детства, оборвались в связи с уходом его из моей жизни. Я мечтала быть балериной.

Мой отец рано очень увлекся Джазом, и мелодии эти часто звучали и дома, и по радио, и я этим заразилась и стала, хэ, джазвумэн, если можно так сказать, на всю жизнь.

В 26-м папе предложили должность дирижера оперетты во Владивостоке, и он уехал туда с нами. А через два года, в 28-м, они уехали на гастроли в Харбин. В то время это было в порядке вещей, эээ, выезд в Китай был совершенно свободен, и вся эта наша оперетта, советская, выехала в Харбин.

Прошло года два или три, и оперетта стала потихонечку рассыпаться, и решили из оставшегося состава ехать в гастроль по Китаю. Поехали всей опереттой по Китаю.

Пока не добрались до Шанхая. Шанхай даже в те годы это был крупнейший город не только Китая, но можно сказать даже и покрупнее стран, а сейчас это, как говорят, перецеголял Нью-Йорк.

Ну, мы там пробыли по 35-й год. Мы приехали, не зная языка, меня с братом тут же определили в колледж английский, меня в начальную, киндергартен назывался первый класс, его в третий.

Папа там начал писать музыку такую. Написал вот этот балет "Маски города" знаменитый, который там прошел в лучших/. Там есть такое концертное объединение, и это была самая лучшая площадка, "Лайсан" театр назывался. Он, как сейчас помню, это был 35-й год, год нашего отъезда. Мы, папа взял

меня на премьеру, мы шли. А над театром, он был угловой, этот дом, огни красные и белые зажигались и гасли и там вспыхивала фамилия "Мэкс оф зе Сити, мюзик бай Гейгнер, Мэкс оф зе Сити, мюзик..." - то в красном свете, то в белом, и мне так это нравилось, что я иду, и вот это мой папа.

И вдруг приходит письмо из России, что папин отец умер, якобы, от голода, с коркой в руке, что все они голодают и пропадают. И вот тут мой папа, очень впечатлительный и добрый человек, почувствовал, что он виноват, что он живет благополучно со своей семьей, а там погибают люди, его родные, самые близкие, которых он с детства кормил, как говорится. И он принимает решение вернуться. А так как мы были советские подданные, мы не меняли паспорта, не принимали никакого подданства другого, то мы имели возможность вернуться, когда хотим. Нас никто не остановил, что здесь делалось в России, мы не знали, мы вернулись, вернулись в 35-ом году.

Как нас встретила Москва: ни кола, ни двора, жить негде, работать негде, прописки нет, языка мы с братом почти не знаем. То есть, говорили, да, но писать, читать – это было смешно по сравнению с тем, кто в нашем возрасте учился здесь. Тем не менее, год был трудный, но мы вошли в колею, и я уже училась очень прилично. Был 35-й год, папа сделал свой первый джаз-оркестр.

Он набрал других музыкантов, которые владели двумя инструментами, и сделал очень интересное джазовое ревю, которое открыли в ресторане «Метрополь».

С большим успехом, проходили эти выступления. По Москве быстро разнеслась вот эта такая типа рекламы, что вот в Метрополе вот такое, такое. Повалила публика, мест не хватало, записывались на столики заранее, и все шло великолепно, как вдруг третьего декабря между первым и вторым отделением в антракте папу пригласили зайти к директору.

Он зашел. Там сидели два человека. Представили ордер на арест, и/. Мама его искала, надо начинать второе отделение. Второе отделение, а его нету... Она/, ей сказали: а он прошел к директору. Она побежала туда, он там сидел, голову не поднял, видимо, его предупредили, чтоб он не общался с ней. Она говорит: «Надо начинать, что ты тут делаешь?». Они говорят: «Ваш муж арестован, будьте любезны, принесите ему что-нибудь переодеть». Ему разрешили только снять лаковые туфли и фрак. Вы представляете? Посадили в машину и увезли. Увезли прямо на Лубянку. А маму посадили в машину и повезли домой на обыск.

Значит, эта ночь/. Семьдесят один год прошло с тех пор, мне врезалась в память настолько, что, мне кажется, это было вчера. Меня разбудили где-то в начале второго ночи, мне было 13 лет, я спала на сундучке.

А я это помню. «И тут жил Гейгнер?» Жил. Не живет, а жил. Спросили у домашней работницы, она сказала: «Да». Они стояли как вкопанные, пока убрали эти раскладушки, и меня, и братишку разбудили. Встали, мама стояла бледная, как полотно, в полуобморочном состоянии, прижавшись к какому-то там шкафу. А они начали рыться в этом сундуке, на котором я спала. Рыли, рыли, а там были носильные шмотки какие-то, ничего не нашли, только была коробочка с чайными ложечками, и один из них отложил в сторону, а второй

сказал: «Не тронь, положи на место». Они ничего не взяли и ушли. Правда, еще с ними почему-то сидел домуправ. Видно, его раньше пригласили.

Вот эта, так сказать, последняя ночь, связанная с папой. Когда все ушли, мы в оцепенении сидели до утра. Утром поехали с братишкой в школу, а мама начала бегать по тюрьмам и искать папу. Через несколько дней в списках Бутырки она его нашла. Два месяца у нее принимали передачи, так называемые, денежные какие-то, а потом сказали, что его куда-то перевели, его в списках нет. И на этом потерялся след отца.

Потянулась жизнь, жуткая, страшная, полная обид, полная забвения, у нас не открывалась дверь, никто не звонил, никто о нас не вспоминал. Маме позвонили, чтобы она на работу не приходила, и так шло время. Через два месяца вдруг в школе мне говорит учительница: «Лизочка, тебя вызывает директор». Пока я шла к нему в кабинет, у меня подкашивались ножки.

Я думала, мне сейчас скажут, что ты не можешь в школу ходить, потому что маме не, не разрешили на работу приходить, а мне скажут: Твой папа – враг народа, тебе нельзя ходить в школу. Я этого боялась.

А я была худенькая, мелкая девочка, я зашла и непроизвольно разрыдалась. Он меня обнял, прижал так к себе и говорит: «Ты что плачешь? Ты что плачешь?» А я гово/. Да! Первое, что он спросил: «Мама дома?» Я тогда не понимала, что это значит. Теперь я понимаю: он хотел узнать, или мы не остались с братишкой одни. Я сказала: «Да». Он говорит: «Слава Богу! А чего ты плачешь?» Я говорю: «Я боюсь, что в школе узнают, что папу арестовали». И он говорит: «Глупенькая, не бойся, в твоём классе уже у половину пап нет дома, также, как у тебя».

Когда его/, он утром не пришел, вот после этой ночи/. Я еще не понимала в 13 лет, что такое арест, что папу/. Я знаю, в тюрьме сидят одни преступники, воры, убийцы. И вдруг мой папа, такой изумительный, такой добрый, такой чистый, и вдруг/. Вот, вообще, я понимала, что это - ошибка. Когда я шла из школы, я бежала и смотрела, нет ли там наверху его шапки и пальто на вешалке. Потом вдруг я схватила его туфли и побежала сделать набойку. Он придет, а там немножечко стесались каблучки. Потом я стала ему писать письма. Что у меня в классе, с кем я поссорилась, с кем я подружилась. Письма я прятала под пианино. А потом через года два был ремонт. Отодвинули пианино, а там/. Мама обалдела. Что такое? А там штук сорок писем, и она когда читала, с ней такое было! Это был ужас.

Уж так я искала какие-то следы, я с ним не расставалась, очень долго, и даже вот теперь уже столько лет прошло, он у меня остался молодым в памяти. Чудесный человек, добрый, отзывчивый, всю жизнь всем помогал, всем родственникам, всем друзьям.

Десять лет мы ждали отца, потому что когда она пошла узнать о его участии, ей сказали: «ваш муж осужден на 10 лет без права переписки». А так как мы думали, что это правда, раз нам в таком солидном учреждении говорят, то мама его ждала десять лет.

А через 16-ть лет мы узнали/. Нет, даже через 19-ть, в 56-м году мы узнали, что его расстреляли буквально через месяц после ареста. За пять дней до его сорокалетия.

Он успел за это короткое время, что мы здесь были, с 35-ые по 37-м году написать один кинофильм "Девочка и виноград" с участием Жеймо и Чиркова. Правда, потом в титрах появилась фамилия "композитор Стрельников" вместо папы. Я позвонила тогда в архив, где-- как называется--- белы--- эээ--- Белые Столбы, да. Они сказали: "А у нас только такие сведения, мы не знаем. Нам дают сведения, мы их и публикуем". Вот, так что стерли его с лица земли, папу, абсолютно, и как человека и как деятеля.

И вы знаете, у меня была всю жизнь мечта, когда еще... до 56-го года, неужели никогда в жизни я не смогу доказать, что мой папа ни в чем не был виноват? Вот я была одержима вот этой идеей. И, как говорится, судьба за меня сама заступилась. Без меня органы разобрались. Понимаете? И вот через 70 лет вы пришли спросить о нем. Для меня это счастье. Просто счастье. Что он как бы из небытия хоть на время, но возник.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011